

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Тарту)

ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЗАИМСТВОВАННОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

0.1. Изучение закономерностей фонетической адаптации необходимо при этимологизации любых иноязычных слов, в том числе и заимствованной топонимии. Географические названия, как правило, проникают из одного языка в другой, зачастую опережая хронологически другие заимствования.

0.2. Интересны в этом отношении названия марийских селений юго-восточной части Пермской и юго-западной части Свердловской областей. Основная масса марийцев переселилась в этот регион во второй половине XVI—XVIII вв. (Сепеев 1975 : 35), однако отдельные марийские деревни возникли в Приуралье еще до середины XVI в. Так, д. *Кугу Тӓврӓ* (Большая Тавра) была основана в 1508 г. (Сепеев 1975 : 27). До прихода марийцев в Прикамье и Приуралье жили главным образом башкиры и татары, которые преобладали в численности; с конца XVI в. Урал интенсивно заселяли русские (Пашковский 1964 : 12).

1.0. Марийцы, осваивая Приуралье, входили в контакты с тюркоязычными соседями, что способствовало как приспособлению их к новой местности, так и складыванию общей системы некоторых географических названий: микротопонимов, например, красноуфимский говор (КУ) *akla-n* 'лесная поляна' < тат., башк. *аклан* 'поляна, лужайка лесная'; КУ *čukur* 'яма' < тат. *чокыр* 'яма, ров, углубление'; ойконимов, например, КУ *sarsa-de* < тат. *сары саз* 'желтое болото', КУ *juša* < тат. *юа* 'дикий лук' и т. д. Перечисленные лексемы, восходящие к татарскому источнику, функционируют в говорах восточного наречия как лексические дублиеты соответствующих исконно марийских названий (Исанбаев 1978 : 19—25). Они проникали, по-видимому, постепенно, в процессе совместного освоения слабо заселенных или не заселенных мест по берегам речных террас, лесных массивов и т. д.

1.1. Марийцы занимали необжитые места, где возникали селения, получавшие наименования по имени главы большой патриархальной семьи, прозвищам, именам первопоселенцев или владельцев расчищенных под пашню земельных угодий, заимок.

1.1.1. Исследования последних лет показывают, что некоторые топонимы, а также родовые и территориальные названия были в период миграций перенесены марийцами из Среднего Поволжья в Прикамье и Приуралье. Топонимические параллели уральских и поволжских марийцев: *Курыкмариял* (с. Агафоново, Суксунский р-н Пермской обл.),

ср. *курык марий* 'горные марийцы' (Сепеев 1975 : 47), *Олык марий* (д. Красный луг, Суксунский р-н Пермской обл.), ср. *олык марий* 'луговые марийцы'.

1.1.2. Неосвоенная земля в первое время не могла в достаточной степени удовлетворять потребности уральских марийцев в продуктах земледелия и скотоводства, и поначалу значительную роль в их хозяйстве играли охота, рыболовство, бортничество и собирательство (Сепеев 1975 : 54). В таких случаях толчком к возникновению некоторых топонимов могли служить названия, обозначающие природные ресурсы данной местности. Некоторые географические названия были созданы марийцами-пришельцами в результате номинаций безымянной местности во время охоты, рыбной ловли и т. д.: *šo-rđo kore-m* (*šo-rđo* 'лось', *kore-m* 'овраг'), *βakš kuru-k* (*βakš* 'мельница', *kuru-k* 'гора'), *tume-r arka* (*tume-r* 'дубрава, дубняк', *arka* 'холм, возвышенность'). Часть из них продолжает жить в говорах восточного наречия, неся на себе печать прямых контактов с местными тюрками и русскими.

1.1.3. Так, одно из марийских селений Октябрьского района Пермской области имеет двойное название: марийское неофициальное *Палыкче* (*pa-lăkče*) и русское официальное *Тляково*. Ойконим *pa-lăkče* на материале современного марийского языка не поддается объяснению, он толкуется из тат. *балыкчы* 'рыбак, рыболов; рыбацкий, рыбацкий'. Тат. *балыкчы* образовано с помощью деривационного аффикса *-чы* (*-čij*) от *балык* < **baluk*, **balyk* 'рыба' (Räsänen 1969 : 61), где аффикс *-čij* обозначает лицо по характеру занятий, действий или привычек, месту жительства и т. д. (Щербак 1977 : 103). Таким образом, рассматриваемый ойконим считается татарским по происхождению — морфологический состав его полностью раскрывается на материале татарского языка; в башкирском языке указанный аффикс имеет не аффрикату, а сибилант, ср. башк. *балык-сы* 'рыбак' (Галкин 1966 : 28).

Слово *балык* 'рыба' функционирует во многих тюркских гидронимах, ср. оз. *Майбалык* (*май* 'жир', 'жирная рыба'), оз. *Балыктыколь* ('рыбное озеро', Султаньяев 1967 : 64, 65; 1978 : 108), *Карабалык* (Челябинская обл., 'черная рыба'), оз. *Сар-Балык* (Челябинская обл., 'рыбное озеро', Лабзина 1973 : 364, 366, 367).

Селение *pa-lăkče* расположено примерно в 3 км от татарской деревни Усть-Саварово, на правом берегу р. Сарс, по рассказам старожилов, на рыбацьем месте тюркоязычных соседей.

1.1.4. С течением времени тат. *балыкчы*, характеризующее место, перешло в наименование марийского селения, при этом оно претерпело фонетико-морфологическую адаптацию по законам марийского языка. В анлауте фонема *b* языка-источника изменилась в *p* на почве марийского языка; ср. также *b > p*: мар. *püja* < тат. *böя* 'пруд, запруда, плотина'; мар. *pačča* < тат. *bačča* 'сад, огород'; мар. *pasu* < тат. *basu* 'поле' и т. д. Перемещение ударения с последнего слога на первый объясняется тем, что в первом слоге выступает иллабиальный гласный *a*, длительность которого больше длительности других звуков. Удлинение гласного *a* можно объяснить как влиянием альвеолярно-апикального *l*, так и открытостью первого слога. Что касается заимствованного из тюркских языков суффикса *-če/-čol/-čö*, то он в марийском языке безударен (*kütü* 'стадо', *kütü-čö* 'пастух') (Коведяева 1970 : 90, 91), ср. *măskara-če* 'шутник, юморист, комик' от *măskara* 'шутка, юмор', *šoja-če* 'врун, лгун, лжец' от *šoja* 'ложь', *ala-kče* 'клеветник, доносчик' от *ala-k* 'клевета, донос' и т. д. (Галкин 1966). Тат. *i*, представляющий собой неогубленный гласный звук заднего ряда верхнего

подъема (Исхаков 1955 : 94), в инлауте перешел в *ə* смешанного ряда, а в анлауте — в палатальный *e*.

Переход тат. *i* > *e* произошел в силу лабиальной гармонии. Сущность этого явления заключается в том, что «ударный гласный действует ассимилирующе по признаку огубленности и неогубленности на конечный гласный — после ударного огубленного (*ü, ö, u, o*) на конце выступает *ö* или *o*, после ударного неогубленного (*a, e, i, ы*) в конечном положении должно быть *e*, например: *türyıştö* 'на краю', *ışöryıştö* 'в молоке', *кунышто* 'на болоте', *олыкышто* 'на лугу' — *кошарге* 'острый', *шере* 'сладкий', *витле* 'пятьдесят' — *шыгырыште* 'в тесноте'» (Грузов 1969 : 139, 140), ср. КУ *tür-la-näše* 'привередливый'; *kupla-šte* 'в болотах'.

2.0. Ойконим *Тляково* сложился из двух разноязычных элементов: *töle-k* (древнемарийское личное имя) + топонимический суффикс *-ovo*. Древний общеславянский суффикс *-ovo* имеет принадлежностное значение, поэтому «топонимы с такими формантами — в прошлом притяжательные прилагательные — были вызваны к жизни утверждением частной собственности на землю и отвечали на вопрос: кому принадлежит место (пустошь, лес, деревня, село, починок и так далее)? — Петрово (место), Петров (починок), Петрова (пустошь)» (Кривошекова-Гантман 1973 : 69; см. также 1.1.). Ойконимы, образованные по этому принципу, в большинстве своем являются отантропонимическими: д. *Андрейково* (*Андри*) Артинского района Свердловской области.

2.1. Важно отметить, что утрата ойконимом притяжательного значения является следствием изменения его морфологической структуры: название любого поселения при этом получает универсальную форму субстантивированного прилагательного среднего рода (Кривошекова-Гантман 1976 : 11), ср. Акпарсова земля, Акпарсова сотня (в Козьмодемьянском уезде Казанской губ. по документам XVII—XIX вв.) и ойконим Акбарисово (Акпарс) Шаранского района Башкирской АССР (Сепеев 1975 : 47, 48).

Таким образом, имя одного из первых поселенцев местности увековечено в официальном названии селения.

2.2. Необходимо отметить также изменения, происшедшие во внешнем облике слова. К ним относятся: выпадение гласного звука в первом слоге, субституция, т. е. замена гласного звука во втором слоге. Выпадение палатального *ö* в слове *töle-k* объясняется его несоответствием звуковому строю русского языка.

В положении после мягкого согласного *e* > *a*, так как местные русские говоры Октябрьского района (ранее Шучье-Озерский) Пермской области характеризуются более передним (на слух) согласным *l* (Смолякова 1977 : 115).

Таким образом, марийские географические названия Прикамья и Приуралья, восходящие к тюркскому источнику, в большинстве случаев сохраняют свое первоначальное значение и употребляются в основном как лексические дублиеты соответствующих исконно марийских названий; в других случаях произошло усвоение семантики марийских названий и оформление на этой основе русских ойконимов посредством соответствующих топонимических суффиксов. Иноязычные слова, вживаясь в структурно-фонетическую ткань марийского языка, приспособились к фонетической норме языка-рецептора.

ЛИТЕРАТУРА

- Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка, Йошкар-Ола.
- Грузов Л. П. 1969, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика, Йошкар-Ола.
- Исанбаев Н. И. 1978, Марийско-татарские лексические связи (по данным географических названий). — Вопросы марийской ономастики, Йошкар-Ола, 19—25.
- Исхаков Ф. Г. 1955, Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков I. Фонетика, Москва, 60—114.
- Кривошекова-Гантман А. С. 1973, Откуда эти названия?, Пермь.
- 1976, Из истории названий поселений. — Лингвистическое краеведение Прикамья, вып. 3, Пермь, 3—11.
- Коведяева Е. И. 1970, Проблема акцентуации марийского языка, Москва.
- Лабзина М. В. 1973, О структуре тюркских названий озер и рек Челябинской области. — Ономастика Поволжья, вып. 3, Уфа, 363—370.
- Пашковский А. М. 1964, Краткий очерк фонетических и грамматических особенностей русских говоров Среднего Урала. — Словарь русских говоров Среднего Урала I, Свердловск.
- Сепеев Г. А. 1975, Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX вв.), Йошкар-Ола.
- Смолякова Л. П. 1977, Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья (с учетом иноязычных влияний), Москва.
- Султаньяев О. А. 1967, Именные конструкции в казахской топонимике Кокчетовской области. — Вопросы топонимологии, вып. 3, Свердловск, 64—70.
- 1978, К вопросу об эллиптичности топонимов. — Ономастика Средней Азии, Москва, 108—110.
- Щербак А. М. 1977, Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков, Ленинград.
- Räsänen, M. 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki (LSFU XVII: 1).

ANATOLIJ KUKLIN (Tartu)

DIE PHONETISCHE ANPASSUNG ENTLEHNTER TOPONYME

In geographischen Bezeichnungen der uralischen Mari treten neben den ursprünglichen marischen Wörtern auch aus turksprachiger Quelle hervorgegangene Wörter auf. Der Autor zeigt auf Grund eines marischen Dorfnamens des Perm-Gebietes *pa-läkkē* (< lat. *балыкчы*) und des russischen Namens desselben Dorfes *Тляково* (< altmarischer Personennamen *töle-k* und russisches Ortsnamensuffix *-ово*), wie sich entlehnte Ortsnamen phonetisch anpassen.